

Олин В. Н. Ответ г-ну Булгарину на сделанные им замечания к статье "Критический взгляд на "Бахчисарайский фонтан", помещенной в 7-м номере "Литературных листков" минувшего 1824 года // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 204-207.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-204-.htm>

В. Н. ОЛИН

Ответ г-ну Булгарину на сделанные им замечания к статье "Критический взгляд на "Бахчисарайский фонтан", помещенной в 7-м номере "Литературных листков" минувшего 1824 года.*

Поблагодарив вас, милостивый государь, за помещение моей *критики* в прекрасном вашем журнале, я обращаюсь к вам с смиренным и кратким моим ответом на сделанные к оной вами замечания. Чувствую, как опасно и страшно вступить в состязательный подвиг с человеком, следующим "новой тактике" или "стратегической ереси"; однако, как бы то ни было, хочу *рисковать* и - после *закаяться*. Я миролюбив от природы и страшусь канонад полемических. Итак, я начну с оправдания самого себя, потому что благодетельная природа глубоко врезала в сердце каждого существа сильное желание собственного сохранения, личной безопасности и - любви к самому себе.

Вы говорите, милостивый государь, что хотя я и не восстаю против поэзии романтической, но, кажется, слишком строго требую от сочинителя "Бахчисарайского фонтана" плана и полного очертания характеров. Сказав, что я не восстаю против романтической поэзии, вы сказали совершенную истину, ибо поэзия романтическая имеет для меня столько прелестей, что я всегда с новым удовольствием перечитываю *Ариоста*, *Бейрона*, и *Вальтера Скотта*¹. Говоря, во-вторых, что я слишком строго требую плана, вы также сказали почти правду. Но, изъясняясь, почтенный Ф<аддей> В<енедиктович>, что я с такою же строгостью требую от сочинителя "Бахчисарайского фонтана" полного очертания характеров, вы говорите о том, о чем я никогда не говорил и говорить не думал. Кладу руку на совесть и ссылаюсь в этом на ваших и моих читателей.

Вы извещаете нас, что не признаете никакого рода поэзии, а следуете буквальному смыслу известного стиха Вольтерова: "Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux", т. е. "все роды хороши, кроме скучного". Прекрасно! Но если вы, милостивый государь, следуете буквальному смыслу стиха сего, то, без сомнения, допускаете и *роды* поэзии; если вы допускаете *оны*, то зачем же говорите, и говорите *смело*, что не признаете никакого рода поэзии? Может быть, вы скажете, что я поймал вас на слове; пусть так; но слова суть *идеи*; они - зеркало нашего соображения, нашей логики.

Далее. Вы изъясняетесь, что тот, кто *верно описывает образы природы*, изображает предмет живыми красками, изъясняется сладкозвучно и возбуждает в душе читателя желаемое ощущение, - тот истинный поэт; что романтический поэт, так сказать, *уловляет, подслушивает природу в ее действии*, но не вовлекает ее в сети искусства. Согласен; и вы, опровергая меня, меня же оправдываете, и сами на себя, наточив, подаете мне оружие. Разве я не говорил в моей критике, что хану *Гирею* не должно было бы ходить в гарем; хану, который сделался равнодушным даже к прелестям *Заремы*, сей *звезды любви*, и который - по словам поэта - проводил, мрачный и одинокий, хладные часы ночи², ибо этот поступок совершенно противен мрачному состоянию души *Гиреевой*. Следовательно, прелестный стихотворец - в этом случае - *неверно списал, не уловил, не подслушал природу в ее действии*. Согласитесь, милостивый государь, что изображать *природу* в произведениях искусства есть верх искусства и одно из главнейших достоинств как всех изящных художеств, так и поэзии. И в самом деле, что бы вы подумали о *Бейроне*, если бы он вдруг вздумал посадить своего *Корсера* на роскошную трапезу и заставить бы его осушать кубки, вином кипящие? Не сказали бы вы, что поэт не выдержал характера, данного им своему герою, не выдержал страсти? Не показалось ли бы странно, если бы человек, погруженный в глубокую меланхолию и которому постыли, опротивели все удовольствия, вдруг и, так сказать, скоропостижно поехал на бал и стал танцевать кадрили, тампеты, вальсы и экоссесы³? Хотя вы и говорите, милостивый государь, что сердце человека неизмеримо и внезапные движения его непредвидимы, как порыв бури в океане, однако подобный поступок ясно обнаружил бы *бурю логическую*, свирепствующую в веществе, называемом *мозгом*, между *оципнутом* и *синципнутом*⁴. Что же касается до мнения вашего, что романтический поэт *не вовлекает природу в сети искусства*, то я решительно скажу вам, что правила искусства (я не разумею здесь формы и механизм) извлекаются непосредственно из самой природы; следовательно, в этом случае *искусство* есть копия природы, или, говоря иначе, искусство и природа суть значения синонимные.